

ПРАВИЛА ИГРЫ

Поэтому мы говорим: реестр сегодня — это не та вещь, которая была описана как вещь, которую можно было забрать. А это технологическая система, к которой есть определенные требования.

ВГ: Не очень понятно, что дает эта смена дефиниций.

В. П.: На сегодняшний день пока считается, что самым важным документом для реестродержателя является реестр акционеров. При этом не важно, как он его создает. Только вздумайтесь в это! Например, у реестродержателя есть понятие «журнал операций», где отмечается, в какой момент вносятся изменения в состав собственников. Но документом является сам реестр — как срез по акционерам на тот или иной момент времени.

Сегодня мы эту конструкцию переворачиваем и говорим: самым важным является журнал операций. Потому что именно на его основании можно составить любой список, причем на любой момент времени. То есть меняется конструкция: у нас правоустанавливающую силу обретает не реестр акционеров, а журнал операций. И тогда появляется возможность при передаче реестра от одного регистратора к другому продолжать ведение этого журнала, то есть возникает сквозной реестр. Тогда мы всегда сможем возвратиться в прошлое и выяснить, когда в реестр были внесены несанкционированные изменения и какой реестродержатель это сделал. И, разумеется, привлечь его к ответственности в случае необходимости.

ВГ: А сегодня это в принципе невозможно?

В. П.: Сегодня, когда у тебя было десять бумаг, а завтра выясняется, что нет ни одной, непонятно куда они делись. Особенно в случае, если десять бумаг у меня было у старого реестродержателя, а ноль оказалось у нового. Потому что первичных документов у нового реестродержателя в принципе нет, это архив старого. И я могу бегать, судиться, спрашивать были ли они и куда делись. И все скажут, что не знают.

А при предлагаемой нами конструкции я увижу, в какой момент списаны бумаги, и, главное, на чей счет зачислены. Историю вещи мы можем восстановить. Да и здесь возможны сложные ситуации. Бумаги могут быть списаны со счетов десяти разных обокраденных, сформированы в пакет, условно говоря, в 100 бумаг, потом 80 продано одному покупателю, 20 — другому. Опять возникает неопределенность — где моя бумага? Нет такой бумаги. Но, тем не менее, будет понятно, куда и как ушла единица учета. Поэтому и нужно новое определение реестра.

Второе, что очень важно — новое определение договора на ведение реестра. Сегодня договор о ведении реестра — это обычный договор на оказание услуг. А мы посчитали, что когда эмитент заключает договор с регистратором на учет нематериальных ценных бумаг, на ведение реестра владельцев ценных бумаг, то он заключает договор, в котором присутствует огромный интерес третьих лиц. То есть публичный интерес.

Поэтому мы построили следующую конструкцию. Во-первых, эмитент отвечает за все, в том числе и за регистратора. Тем самым мы говорим эмитенту: ты можешь выбрать любого регистратора, в том числе самого дешевого. Но если он нарушил права инвесторов и у него недостаточно капитала, чтобы покрыть их убытки, отвечать придется тебе. Мы возлагаем ответственность на тебя, а ты уж там разберись, заставь его застраховаться или какую-то гарантию предоставить, чтобы он был более добросовестным. Все равно мы знаем, что в начале 1990-х большая часть регистраторов появилась, как лица, аффилированные с крупными эмитентами. Но это же вообще сговор против своих акционеров.

Итак, это первый элемент — субсидиарная ответственность. Второй элемент — это не должен быть договор на оказание услуг; нужен агентский договор по принципу договора с бухгалтером. Конструкция такая. Я — эмитент — обязан вести реестр акционеров, но сам не имею права, могу только через уполномоченное независимое лицо, то есть через профессиональный регистратор. И мы хо-

тим, чтобы все условия заключения, расторжения и прекращения договора на ведение реестра были подробно описаны в законе. Чтобы как в случае с авиационным билетом: когда мы его покупаем, это ведь договор на перевозку. Такая книжечка, в ней много разных подробностей, которые никогда не читают, но по существу это договор в бланковой форме. И мы можем, заполнив 3–4 графы и фактически подписавшись под этим договором, получить определенный комплекс прав и определенный комплекс обязанностей. По нашему мнению, необходима такая же стандартизация договора на ведение реестра.

ВГ: Вы хотите вводить эти стандарты договоров именно в законе? А если мелочь какую-то поменять нужно, новый закон каждый раз через Думу проводить? Не проще ли обойтись ведомственными подзаконными актами?

В. П.: Не проще. Потому что в принципе понятие «подзаконные акты» — это мутное понятие. До безобразия мутное. В нашей стране оно, конечно, является источником права. Но в развитых странах большая часть того, что является источником права, прописывается как раз в законах, а также в стандартах профессиональной деятельности. То есть отношения регулируются не методическими рекомендациями и не инструкциями, которые исходят от ведомств, а именно так — ответственность профессионалов и их стандарты в своей сфере деятельности, определяемые в рамках профессиональных ассоциаций.

К чему же приводит передача соответствующих полномочий на откуп чиновникам без парламентских процедур проработки законодательных актов, легко видеть на примере тех же реестродержателей и соответствующих нормативов, принятых в свое время Федеральной комиссией по рынку ценных бумаг. Сейчас в систему ведения реестра попадает и «железо». При передаче реестра от одного лица другому, если я один из элементов системы, возможно, не важный, не передал — неважно по каким причинам: не хочу, допустим, или потерял, или еще что-то — то система не считается переданной. А значит, и реестр не считается переданным. И нет никаких наказаний за то, что я отдам тебе все, но последний винтик из этой машины не отдам.

Но возникает вопрос, кто тогда должен вести реестр? Оказывается, тот, у кого реестр. Итак, с одним регистратором у меня истек договор, с другим я заключил договор. Первый передал ему не все, а у меня даже первого договора уже нет. А нужно же вносить изменения в реестр. Представляет, какой нонсенс? Получается, что нынешнее законодательство в этой сфере просто провоцирует появление двойных реестров.

Поэтому мы и взялись за столь глубокую переработку законодательства. Наша модель обеспечит мягкий переход к полноценному регулированию профессиональными сообществами самих себя. Поэтому мы и стремимся к определенности отношений, определенности рисков и возможности управлять этими рисками. Сегодня в условиях неопределенности это почти невозможно. Нужно новое понятие реестра, новый договор на ведение реестра с описанием всех возможных условий его заключения, а также процедуры передачи реестра. Не может реестр никем не вестись.

ВГ: Вы вначале еще упомянули взаимоотношения с правоохранительными органами.

В. П.: Да, это третий пункт нашей концепции. Сегодня у нас есть высокая степень неопределенности в отношении реестродержателей с правоохранительными и административными органами. Сейчас в законе нет понятного и оправданного перечня возможностей обращаться к реестру с конкретным требованием — ни у милиции, ни у налоговой инспекции, ни у антимонопольного органа, ни даже у регулятора рынка. Например, по закону о милиции любой милиционер может получить любые сведения из реестра и вообще весь реестр. Что тогда удивляться, если у нас потом данные из реестра оказываются на разных «толкучках», рынках и в итоге у рейдеров?

В связи с этим мы предлагаем более четко прописать полномочия органов власти. Зачем налоговой инспекции, например, право брать весь реестр? Они сами не знают, зачем. Но такая функция у них сейчас есть. А в рамках конструкции, которую мы создаем, они смогут получить только выписку из реестра, допустим, по конкретному господину Иванову и за конкретный период, а не весь реестр. При чем такая информация сможет быть получена только через уполномоченных лиц. То есть не любой милиционер, а, допустим, уполномоченный должностным лицом на эту процедуру. Чтобы определенный человек подписался, что отвечает за этот реестр. И, думаю, тогда документы будут храниться в сейфе, а не валяться на столе. Это очень важный элемент системы в целом, потому что сегодня очень много обвинений в адрес регистраторов исходит от правоохранительных и административных органов. С другой стороны, одновременно мы хотим предусмотреть резкое повышение ответственности регистратора за непредоставление информации.

ВГ: А можно ли в законе предусмотреть все, что может потребоваться той же милиции в ходе следствия?

В. П.: Нет, но это и не нужно. Мы оставляем правоохранительным органам возможность получить то, что они не получили в установленном законом порядке, то есть вообще любую информацию, но только с санкции суда или прокурора.

Наши оппоненты иногда говорят, что это мешает оперативной работе — быстрому дознанию, быстрому следствию. Если, скажем, хочется усмотреть взаимосвязь между деятельностью гражданина А и гражданина Б. Или посмотреть, с кем есть еще какая либо взаимосвязь. Но с другой стороны, когда-то у нас следователь мог вас посадить в СИЗО просто своим решением. Потом решили, что это нарушает гражданские права, приводит к злоупотреблениям, и сказали: только через суд. Какое-то количество злоупотреблений все-таки исчезло, волюнтаризм следователя был обременен хотя бы объяснением на суде. Мы предлагаем примерно то же самое. Сегодня в реестре сосредоточены интересы и права огромного количества третьих лиц. Вы занимаетесь Ивановым, так и занимайтесь. Хотите получить больше — объясните суду, зачем. И достаточно ли у вас оснований, чтобы взять информацию еще по миллиону акционеров.

«Я НАДЕЮСЬ, ЧТО ИДЕЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ БИРЖИ УМРЕТ»

ВГ: Скажите, а могло ли решить проблему соблюдения прав акционеров предлагавшееся в свое время построение центрального депозитария — по сути, центрального регистратора?

В. П.: Однозначно нет. Была попытка использовать центральный депозитарий функционально, как единый расчетный узел, как расчетно-кассовый центр, если хотите, для всей страны. Предлагалось, чтобы все реестры в стране были соединены оптоволоконными кабелями — для того чтобы периодически каждую операцию по изменению права собственности на акции вносить в этот самый центральный депозитарий. Такой суперрегистратор получался, призванный защитить права акционеров. Полагали, что частные регистраторы не создадут надежную систему и их нужно подстраховать или заместить суперрегистратором на федеральном уровне. Вот до какого докатились бреда. Нынешняя версия закона о центральном депозитарии, которая была внесена в Госдуму, конечно, была не столь радикальна — за такой структурой оставались, по сути, лишь расчетные функции. Но все равно, процентов восемьдесят участников рынка говорили, что эта структура создает им проблемы. Прежде всего — из-за роста издержек в силу ее монопольного положения. Но сейчас этот законопроект, слава богу, похоже, умер. Он лежит, конечно, в Думе, но никто его не готовит к первому чтению. Новое руководство Федеральной службы по финансовым рынкам, мне кажется, не особо заинтересованно в его продвижении.

рынкам, рассматривался в качестве одного из основных кандидатов на пост руководителя службы.

ВГ: А как вы вообще относитесь к идеям централизации на фондовом рынке? Скажем, упомянутое вами новое руководство ФСФР, похоже, поддерживает идею создания единой биржевой площадки и единого клирингового центра.

В. П.: Да, конечно, в мире есть стремление к единой бирже. Скажем, была попытка создать единую биржу на базе Франкфуртской и Лондонской. Но она не удалась. И я считаю, что к счастью. Потому что и та, и другая биржа — коммерческие, а значит, заинтересованы в прибыли. Сегодня есть конкурентный механизм: хочу в Лондоне торговать, хочу — во Франкфурте. А завтра его бы не было. Теперь представьте себе, что это мы говорим о развитии рынка, где есть масса всяких антимонопольных механизмов. У нас, к сожалению, антимонопольное право только начинает пробовать себя в разных сферах. И создать единую биржу — значит оказаться заложником монополизации рынка.

Наоборот, любая децентрализованная система полезна. Поэтому, кстати, и предлагавшаяся нами модель центрального депозитария, или центрального расчетного узла, принципиально иная. Это не один депозитарий — юридическое лицо, а группа депозитариев. Каждый из которых соответствует определенным требованиям, которые надо установить такими, чтобы 4–5 крупнейших существующих депозитариев им удовлетворяли. При этом мы даем им дополнительные возможности. Если хотите, это аналог федеральной резервной системы США, где есть кольцо из 12 банков, по существу, есть ассоциация этих банков и есть регулятор — для того, чтобы демонополизировать соответствующие отношения. И тогда я как участник рынка могу войти в систему через любого ее участника.

Такой подход заставит отобранные в систему депозитарии конкурировать между собой в части набора услуг и их цены. И такая модель расчетного узла, состоящего из расчетного кольца верхнего порядка, более демократична, более конкурентоспособна и менее монопольна. И снимает вопросы о том, как эта структура управляется и что будет, если кто-то вдруг купит контрольный пакет. Представляете, кто-то владеет информацией обо всем капитале, о движении всего капитала внутри страны? С ума сойти просто! Поэтому идея центрального депозитария, к счастью, в том числе и нашими усилиями, похоронена. Или, во всяком случае, отложена на неопределенно долгий срок.

ВГ: А центральная биржевая площадка?

В. П.: Я надеюсь, что идея центральной биржи тоже умрет, хотя бы потому, что, допустим, такое же технологическое кольцо бирж — это тоже антимонопольный механизм. Пусть на этом этапе для того, чтобы не создавать интерес к монополизации рынка. Потому что все биржи сегодня — коммерческие институты. И нет регламентов, нормально описывающих отношения между владельцем биржи и биржевым советом.

Мы знаем, что биржа — это, прежде всего, биржевой совет, биржевые правила, биржевой посредник и биржевой товар. Биржевой совет — это не совет директоров, как на обычном предприятии, этот биржевой совет состоит из биржевых посредников. А биржевые посредники — не обязательно собственники биржи. Это очень сложная конструкция, и для нее сегодня простое использование правовой формы акционерного общества недопустимо. Потому что непонятно, как описать отношения собственников в качестве лиц, заинтересованных в максимальной прибыли, и биржевого совета, который заинтересован в минимизации издержек посредников. Это очень сложная конфликтная ситуация. А если возникнет монополия, владельцы биржи как раз и смогут диктовать биржевым посредникам, что и как делать. Как писать правила торгов и обеспечивать надежность биржевой системы, например. Поэтому я считаю, что те, кто продвигают данную идею, не правы. Может быть, удастся это изменить — так же как нам удалось изменить отношение к центральному депозитарию. Может быть, наоборот. Последний вариант я считаю катастрофой.

Интервью взял ПЕТР РУШАЙЛО

«ПО ЗАКОНУ О МИЛИЦИИ ЛЮБОЙ МИЛИЦИОНЕР МОЖЕТ ПОЛУЧИТЬ ЛЮБЫЕ СВЕДЕНИЯ ИЗ РЕЕСТРА И ВООООЩЕ ВСЬ РЕЕСТР. ЧТО ТОГДА УДИВЛЯТЬСЯ, ЕСЛИ У НАС ПОТОМ ДАННЫЕ ИЗ РЕЕСТРА ОКАЗЫВАЮТСЯ НА РАЗНЫХ ТОЛКУЧКАХ, РЫНКАХ И В ИТОГЕ У РЕЙДЕРОВ?»

ПРАВИЛА ИГРЫ